

Русские офицеры — участники Бородинского сражения

Более двенадцати лет в Государственном Бородинском военно-историческом музее-заповеднике (ГБВИМЗ) ведется работа по созданию справочно-информационной системы (СИС) «Участники Бородинского сражения». В ходе этой работы в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) в фонде 489 удалось разыскать 2169 формулярных списков генералов и офицеров, участников Бородинской битвы. Данные из формуляров, выявленные в архиве, были перенесены с помощью персонального компьютера на электронные носители, которые послужили основой для справочно-информационной подсистемы (СИП) «Русские генералы и офицеры — участники Бородинского сражения»¹

Всего в этой подсистеме содержатся сведения на 2169 генералов и офицеров, участвовавших в Бородинском сражении, кроме того сюда вошли сведения из формулярных списков на 991 офицера, не участвовавших в Бородинском сражении, но проходивших службу в регулярных воинских частях 1-й и 2-й Западных армий в 1812 г.

В 1995—1996 гг. велась работа по созданию следующей СИП на электронных носителях — «Русские генералы и офицеры, награжденные за участие в Бородинском сражении»¹. Основой для ее создания послужили наградные документы 2104 офицеров и генералов, хранящиеся в РГВИА в фондах Канцелярии военного министра, Штаба отдельного гвардейского корпуса и лейб.-гв. Московского полкаⁱⁱ. Эта СИП существенно дополняет первую СИП «Русские генералы и офицеры — участники Бородинского сражения», так как в формулярных списках, в отличие от наградных списков, нет описания отличий, за которые получали награды генералы и офицеры. Кроме того, благодаря СИП «Русские генералы и офицеры — участники Бородинского сражения», СИС пополнилась многими именами русских офицеров участников сражения, формуляры которых нам не удалось разыскать среди формулярных списков 489 фонда РГВИА. Второй год ведется работа силами научно-информационного отдела по созданию в рамках СИС «Участники Бородинского сражения» третьей СИП «Русские солдаты — участники Бородинского сражения», которая создается по методике, сходной с методикой СИП «Русские генералы и офицеры — участники Бородинского сражения», на основе данных из формулярных списков унтер-офицеров (см. рис.1).

¹ В СИП были включены почти все количественные и качественные показатели, имеющиеся в соответствующих графах офицерских формулярных списков: Ф. И. О., архивные выходные данные формуляра, войсковая часть, возраст офицера по состоянию на конец 1812 г., сословное происхождение и место рождения, количество крепостных или наличие только недвижимой собственности, семейное положение, воинские звания (год присвоения первого воинского звания, первого унтер- и обер-офицерского звания и офицерское звание на конец 1812 г.); сведения о том, в каких родах и видах войск офицер проходил службу и обучался ли военно-учебных заведениях; участие офицера в войнах и крупных сражениях против Наполеона, количество и характер ранений и контузий, полученные данным офицером за все время службы; награды за все время службы; предметы общеобразовательного и специального курса обучения, которые обозначены у офицера в формуляре; был ли в отпусках и имел ли проступки по службе, а если имел, то какие за них понес наказания. СИП имеет систему поиска по ключевым словам.

Рис. 1

В рамках работ по созданию и пополнению информацией СИС «Участники Бородинского сражения», используя различные корпуса источниковⁱⁱⁱ, был впервые составлен поименный список на 3952 русских офицеров, принявших участие в Бородинском сражении, что составило по нашим расчетам 94,0% — 98,4% от общего количества русских офицеров регулярных войск^{*1}, принявших участие в битве. В этом списке указаны фамилии (у 2355 офицеров фамилии и инициалы), чины и воинские части, в составе которых офицеры сражались на Бородинском поле, а также имеются сведения о том, был ли данный офицер убит или ранен в битве. Система имеет режим поиска, с помощью которого пользователь может составить запрос с целью поиска сведений на какого-либо офицера, набрав его фамилию в поисковой строке. Таким образом, СИС «Участники Бородинского сражения» имеет, несомненно, мемориальное значение, представляя собой в электронном виде «Книгу памяти». СИС «Участники Бородинского сражения» имеет и научное значение, представляя большой объем исходного материала для исторических исследований. Так, база данных (БД), созданная на основе офицерских формулярных списков, была использована не только для создания СИП «Русские генералы и офицеры, участники Бородинского сражения», но и для проведения научного исследования, цель которого заключалась в том, чтобы создать модель социальной структуры русского офицерского корпуса эпохи Отечественной войны 1812 г.

Данная модель строилась на базе обработки офицерских формулярных списков как массовых исторических источников. В исследование были включены только формуляры офицеров регулярных частей (по состоянию на конец 1812 г.),

* Мы остановились на общей численности русских офицеров — участников Бородинского сражения в четыре тысячи человек, основываясь на данных «Дневного рапорта о числе войск 1-й Западной армии августа 25 дня, 1812 г.», «Рапорта о состоянии 2-й Западной армии 17 августа 1812 г.», по которым общую численность штаб- и обер-офицеров двух армий на начало 26 августа можно определить в 3948 человек¹. Кроме того, с помощью данных из формулярных и наградных списков, а также из списков убитых и раненых офицеров в Бородинском сражении¹ нам удалось поименно выявить 3952 офицера — участников сражения, что составило по нашим расчетам 98,4% от общего количества офицеров в 4000 человек, принявших участие в битве. По нашему мнению, поименный список в 3952 офицера нельзя считать абсолютно полным и окончательным, так как по 7 полкам мы располагаем явно неполными сведениями (по Каргопольскому драгунскому только на трех офицеров, по Нежинскому драгунскому — на четырех, по Польскому уланскому — на шестерых, по лейб-гв. Драгунскому — на восьмерых, по лейб-гв. Казачьему — на девяти, по Орловскому пехотному — на двенадцать, по лейб-гв. Гусарскому — на семнадцать офицеров). Возможно, и по некоторым другим воинским частям мы располагаем не абсолютно полными сведениями, не исключено, что на несколько воинских частей у нас отсутствуют сведения на одного, максимум — двух-трех офицеров. Следовательно, цифры в 3948 и 3952 русских офицеров, участников Бородинского сражения не могут быть признаны абсолютно полными, и мы остановились на цифре в четыре тысячи офицеров, которая наиболее близка к действительной численности, но, вместе с тем, может быть подвергнута коррекции в сторону увеличения в пределах ста, максимум — двухсот человек.

владельцы которых принимали участие в Бородинском сражении. Следует отметить, что впервые в отечественной историографии нам представилась возможность получить обобщенный социальный портрет русских офицеров — участников Бородинского сражения. Исходя из того факта, что в этом сражении участвовало более половины регулярных воинских частей полевой русской армии, результаты обработки офицерских формуляров участников Бородинского сражения можно распространить на офицеров регулярных частей всей русской полевой армии 1812 г. Совершенно очевидно, насколько важно решение данной исследовательской задачи для изучения русской военной истории рубежа XVIII—XIX вв., самой Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813—1814 гг., равно как и для понимания судеб русского офицерства в общественной и политической жизни эпохи, а также для исследования более локальных исторических сюжетов, связанных с Бородинским сражением.

Формулярные списки офицеров русской армии, участников Отечественной войны 1812 г., в РГВИА в фонде 489 до нашего времени предположительно сохранились не менее чем на две трети офицеров и унтер-офицеров, служивших в войсках в 1812 г. Количество офицеров — участников Бородинского сражения, чьи формуляры выявлены нами в делах 489 фонда РГВИА и привлечены для исследования, весьма существенно — 2074 человек, что составило 52,0 % от общего количества офицеров регулярных войск русской армии, принявших участие в Бородинском сражении, и репрезентативно для генеральной совокупности офицерских формулярных списков участников битвы. Следовательно, нам представилась возможность исследовать формулярные списки как массовый исторический источник и, на основе такой обработки, получить представление о социальных особенностях российского офицерства эпохи 1812 г. В частности, мы получили данные о социальном происхождении, образовательном уровне, семейном положении русских офицеров, а также об их военной карьере, включая и сведения о частоте применения различных видов оружия как в сражениях конца XVIII—начала XIX вв., так и в Отечественной войне 1812 г. По нашему мнению, формулярные списки содержат уникальную в социально-историческом плане информацию, которая может, в частности, восполнить отсутствующую на этот период социальную статистику русской армии.

Результаты обработки формулярных списков как массового источника в исследовании представлены в виде таблиц с абсолютными и относительными распределениями данных. С помощью традиционных статистических методов и, в частности, с помощью многочисленных группировок данных из офицерских формулярных списков, был получен достаточно большой объем новой содержательной информации по истории русского офицерского корпуса эпохи Отечественной войны 1812 г. Основные результаты этого исследования представлены в данной статье.

На Бородинском поле в рядах русского офицерского корпуса сражались уроженцы всех регионов России, причем около половины офицеров были родом из великорусских губерний — 47,6%, из малороссийских губерний — 24,0%, из белорусских — 9,1% , остзейских — 7,1%, новороссийских губерний — 5,0%, литовских земель — 3,6%, зарубежных государств — 3,1% и Закавказья — 0,6%.

Сословное происхождение офицеров, принявших участие в Бородинском сражении в составе регулярных частей, было также весьма разнообразно. Подавляющее большинство офицерского корпуса составляли выходцы из дворянства, но среди меньшей части — 13,3% его состава мы находим выходцев практически из всех других сословий Российской империи — от солдатских детей до крепостных крестьян, а также выходцев из недворянских сословий иностранных государств, в основном европейских (см. табл. 1).

Таблица 1.

Сословное происхождение офицеров

Сословное происхождение	абс.	%
Из российских титулованных дворян	27	1,3

Из российских нетитулованных дворян	1552	74,8
Из остзейских баронов	9	0,4
Из остзейских дворян	80	3,9
Из польских дворян	70	3,4
Из дворян других национальных меньшинств Российской империи	10	0,5
Из иностранных дворян	45	2,2
Вольноопределяющиеся: из обер-офицерских детей из других категорий	79 7	3,8 0,34
Из солдатских детей	94	4,5
Из духовенства	29	1,4
Из купцов	10	0,5
Из российских мещан	10	0,5
Из малороссийских казаков	4	0,2
Из однодворцев	4	0,2
Из российских крестьян	18	0,9
Из вольновступивших иностранцев	7	0,34
Из вольновступивших российских подданных	9	0,4
Из воинских поселенцев	5	0,2
Нет данных о сословном происхождении	5	0,2
Всего	2074	100,0

Порядок чинопроизводства, при котором представителям всех сословий России на военной службе путь для достижения офицерских чинов не был закрыт, предопределялся петровскими преобразованиями в сфере социальной жизни государства, когда на первое место была поставлена служба государю, а не «порода». Кстати, в XVIII— начале XIX в. в русской армии при получении первого офицерского чина выходец из любого сословия Российской империи или какого-либо зарубежного государства автоматически переходил в дворянское сословие.

В вопросе о сословном происхождении русских офицеров в литературе нередко можно встретить неточности. В этом отношении показательно утверждение американских историков Р. Эрнест и Тревор Н. Дююи, по мнению которых в первой половине XIX в. в комплектовании офицерского корпуса русской армии «проявлялся классовый подход» и он «состоял исключительно из дворян»^{iv}. Данное утверждение верно только в том смысле, что все офицеры русской армии в то время были дворянами. Однако это обстоятельство не означало того, что они все были дворянами по происхождению, так как военнослужащий недворянского происхождения (из обер-офицерских детей, из солдатских детей, крепостных крестьян и т. п.) в случае присвоения ему первого офицерского чина автоматически получал потомственное или личное дворянство.

Правда, существовала система временных цензов, которая определяла разные сроки выслуги в унтер-офицерском чине (солдатское воинское звание, соответствующее современному сержанту) выходцам из различных сословий для того, чтобы быть удостоенным первого офицерского чина. Так, солдатам крестьянского происхождения для получения первого обер-офицерского чина необходимо было выслужить беспорочно в унтер-офицерских чинах 12 лет, солдатским детям — 8 лет. Дворянам выслуга в унтер-офицерских чинах до получения первого офицерского звания не была определена. Они зачислялись в свои воинские части сразу

унтер-офицерами, хотя первые три месяца должны были служить за рядового, а затем от нескольких месяцев до нескольких лет служили в унтер-офицерских чинах до получения первого офицерского воинского звания — все зависело от наличия свободных офицерских вакансий в данной воинской части и от того, как претендент на обер-офицерский чин показал себя по службе. По нашим данным, из 2074 офицеров, чьи формуляры мы исследовали, 80 (7,5% от общего количества офицеров дворянского происхождения) офицеров из российских дворян не выслужили в унтер-офицерских чинах и года, 134 (12,6%) — только год и 176 (16,5%) офицеров — два года. Разброс срока выслуги в унтер-офицерских чинах у дворян был существенен, некоторым из них приходилось тянуть унтер-офицерскую ляжку весьма долгое время. Немалому количеству офицеров приходилось служить в унтер-офицерских чинах и четыре года, и пять, и шесть, и даже более восьми лет. Причем, среди офицеров, происходивших из российских потомственных дворян, считая остзейских, польских и дворян национальных меньшинств России, чьи формуляры попали в исследование, насчитывалось 65 человек, что составляло 4,0 /о от общего количества офицеров дворянского происхождения, средняя выслуга в унтер-офицерском чине у которых составляла 10 лет. Следует отметить, что по данным из формулярных списков, все эти 65 офицеров начинали свою службу в полку, а не в домашнем отпуске.

Более или менее продолжительная служба офицеров недворянского происхождения в рядовых солдатах удлиняла срок их выслуги в нижних чинах до получения первого обер-офицерского звания; тем самым сильно сокращались шансы у офицеров недворянского происхождения сделать успешную военную карьеру и закончить службу в штаб-офицерских чинах, не говоря уже о генеральских. По нашим подсчетам, выходцев из недворянских сословий, за исключением офицеров, вступивших в службу на правах вольноопределяющихся, среди штаб-офицеров (майоров, подполковников и полковников) насчитывалось всего 5,0%.

Основная часть офицеров рассматриваемой нами выборки не обладала движимой и недвижимой собственностью — 77,0 /о. На долю офицеров-помещиков, по нашим данным, приходилось всего 3,8%, кроме того, еще 17,6% от общего количества офицеров, являлись наследниками поместий. Причем, основная часть офицеров-помещиков — 60,0% и наследников поместий — 59,0% лично владела или могла рассчитывать на обладание в будущем в своей собственности только от одного до ста крепостных крестьян.

Незначительная часть офицеров являлась владельцами — 0,7 /о или наследниками недвижимости (в основном, земельные наделы без крепостных крестьян) — 0,9%.

Таким образом, можно утверждать, что для подавляющего большинства офицеров русской армии служба была основным источником доходов, кстати, скромно оплачиваемой. Вот что писали авторы истории лейб-гвардии Павловского полка об офицерах начала XIX в.: «Понятно, что при такой обстановке и при небольшом жаловании в описываемое время, не могло быть и речи о роскоши. Всякий жил службой и старался в ней более преуспеть»^у.

По нашим данным, большинство офицеров, принявших участие в Бородинском сражении, начинали службу, разумеется, в разные годы, начиная с 1777 г. и заканчивая 1812 г., в основном в возрасте 17~20 лет. Таких насчитывалось более половины — 50,3 /о, немало их поступило в разные годы в возрасте 15—16 лет — 17,8 /о, в 21—25 лет — 15,7 /о. Следовательно, в возрасте 15~25 лет поступило на службу основное количество офицеров — 83,8%.

Начиная с царствования Павла I и заканчивая первыми годами царствования Александра I, практика формального зачисления малолетних дворянских недорослей на воинскую службу, под благовидным предлогом постижения военных наук в домашних условиях, была сведена на нет. Вместе с тем, некоторые офицеры начинали служить в 26—30 лет — 1,9 /о и даже в 31—40 лет: таких набралось 0,2%.

Наибольшая часть офицеров, служивших в 1812 г., достигла возраста 21—25 лет — 37,7% и 26—30 лет — 20,3 /о, т. е. более половины офицеров — 58,0% находились в возрасте 21—30 лет. По нашим подсчетам, средний возраст прапорщиков и корнетов — 24 года, подпоручиков и поручиков — 25 лет, штабс-капитанов и штабс-ротмистров — 28 лет, капитанов и ротмистров — 30 лет, майоров — 34 года, подполковников — 37 лет, полковников — 38 лет. Для сравнения: средний возраст полковника наполеоновской армии колебался от 40 до 42 лет, а 35—40 лет — обычный возраст батальонного командира^{vi}. В русской армии батальонами обычно командовали майоры и подполковники, так что средний возраст штаб-офицеров русской и французской армий в 1812 г. сильно не отличался.

Образовательный уровень большей части русских офицеров 1812 г. был невысоким, если считать критерием уровень выпускников Пажеского и 1-го и 2-го кадетских корпусов. У половины офицеров в формулярах отмечено только наличие элементарной грамотности — «читать и писать умеет». С другой стороны, у меньшей части офицеров, которые служили главным образом в гвардии и артиллерии, образовательный уровень был весьма высоким и разносторонним. Так, если среди армейских офицеров знание французского языка было отмечено в формулярах 30,0% офицеров, то среди офицеров лейб-гв. Семеновского полка у 91,0%.

Более или менее систематическое среднее образование в начале XIX в. офицеры могли получить главным образом в кадетских корпусах. Самый высокий процент офицеров, закончивших кадетские корпуса, был в артиллерии — 67,6%, значительно ниже в пехоте — 21,6%, больше половины из которых приходилось на воспитанников Дворянского полка, где общеобразовательный курс наук не преподавался, в гвардейской пехоте — 21,2%, в гвардейской кавалерии — 18,7% и в армейской кавалерии — 10,0 /о от общего количества офицеров-кавалеристов. Таким образом, основная часть офицеров постигала военные науки на практике, начиная свою военную карьеру в солдатских чинах вне зависимости от сословного происхождения.

Большинство офицеров 1812 г. были, холостыми — 91,0 /о, а доля женатых составляла всего 8,0 /о. Скромное офицерское жалование, неустроенный быт, так как армейские воинские части, не имея постоянных гарнизонов, находились в непрерывном движении, сменяя за год иногда по несколько раз место своей дислокации, частые войны — все это вместе взятое неблагоприятно сказывалось на семейной жизни, и большинство офицеров обзаводилось семьями уже после своей отставки. Кстати, по нашим расчетам, средняя продолжительность службы в войсках у офицеров дворянского происхождения находилась в пределах 8—10 лет.

Для многих офицеров 1812 г. семейные узы заменял родной полк. Как писал В. В. Крестовский: «Офицеры в полку — это была одна семья, родные братья, у которых все было общее — честь, дух, время, труды, деньги, наслаждения, неприятности и опасность»^{vii}.

В формулярных списках много места отводилось для сведений об участии офицеров в боевых действиях различных военных кампаний, отсюда в нашей БД оказалась разнообразная информация об этой стороне офицерской службы. Так, 55,4 /о русских офицеров до Отечественной войны 1812 г. участвовали в различных военных походах и войнах. В том числе, по нашим подсчетам, 38,5 /о от общего количества офицеров участвовало в боевых действиях против французских и наполеоновских войск, включая Итальянский и Швейцарский поход Суворова 1799 г. Следовательно, значительная часть русского офицерского корпуса с наполеоновской армией в 1812 г. встретилась не в первый раз. Вместе с тем для 925 офицеров, что составило 44,6 /о от общего количества офицеров, чьи формулярные списки попали в исследование, Отечественная война 1812 г. стала их боевым крещением.

В своем исследовании мы не ограничились данными из офицерских

формуляров об участии их владельцев в сражениях только 1812 г., а учли общее количество сражений, включая и полученные в них ранения, в которых офицеры участвовали в течение всей службы по 31 декабря 1812 г. включительно, чтобы иметь более широкое представление о русском офицере — «фронтовике» (т. е. о строевом офицере) 1812 г., чей боевой опыт не ограничивался только одной военной кампанией.

Накануне Бородинского сражения большая часть офицерского корпуса, принявшего в нем участие, обладала достаточно большим боевым опытом, так как в целом только для 10,3 /о из них это было первое сражение. Доля необстрелянных офицеров в гвардейских пехотных полках была значительно выше среднеармейских показателей — 46,9%. В целом у большинства русских офицеров, пришедших на Бородинское поле, за спиной было не одно сражение: больше половины из них — 54,0% уже участвовало более чем в трех сражениях. Кроме того, многим офицерам до Бородинского сражения довелось участвовать в крупных битвах против Наполеона. По нашим данным, 10,0 /о из них сражались под Аустерлицем, 11,0% — под Прейсиш-Эйлау, 11,0% — под Фридландом, 25,0% — под Витебском, 64,4% — под Смоленском.

Об участии в боевых действиях дают представление и данные из формуляров, занесенные в СИП «Русские генералы и офицеры — участники Бородинского сражения» о ранениях и контузиях офицеров, которые они получили за все время своей службы в различных военных кампаниях, считая и Отечественную войну 1812 г., а также Бородинское сражение. Так, в Бородинском сражении наиболее чувствительные потери понес офицерский корпус, о чем и пишет начальник штаба 2-й Западной армии Э. Ф. Сен-При: «День 26 августа близ Бородина не был решительным ни для одной из двух сражавшихся там армий. Потеря с обеих сторон была приблизительно одинакова, и для русской армии она была чувствительна только по числу офицеров, выбывших из строя, и вызванной, вследствие этого, кратковременной дезорганизацией большинства полков»^{viii}.

Удельный вес потерь в боевых действиях убитыми и ранеными у офицерского корпуса в то время был несколько выше, чем среди солдат, о чем свидетельствуют высказывания русских офицеров и генералов — участников Отечественной войны 1812 г. М. М. Петров, который в Бородинском сражении командовал батальоном 1-го егерского полка, в своих воспоминаниях приводит разговор Великого князя Константина Павловича со своим полковым командиром М. И. Карпенковым, состоявшийся в конце 1812 г. Великий князь говорил о потерях в офицерском корпусе: «Знаю, и государь знает, что они (русские офицеры. — Д. Ц.) уж слишком даже стремительны к боевым отличиям, ибо несоизмеренно втрое большая числом противу нижних чинов утрата офицеров ясно это доказывает...»^{ix}

Из данных опубликованной «Ведомости о потерях 1-й Западной армии в сражении при Бородине»^x мы вычислили, что вся 1-я Западная армия потеряла убитыми 4,3 /о и ранеными 27,9 /о от общего количества офицеров, а солдатские потери составили соответственно 7,2% и 15,4%. По «...Ведомости убитых генералов и офицеров 1-й и 2-й армий в сражении при Бородино...»^{xi} количество погибших русских офицеров определено цифрой в 199 чел., а по нашим данным, включая и умерших от ран, оно составило 206 чел., т. е. доля безвозвратных потерь от общего количества русских офицеров, участников Бородинского сражения, составляла 5,0%. Ранеными и контужеными потери русской армии в сражении по данным той же ведомости составили 1181 офицера регулярных частей или 30,0% от общего количества офицеров. Из общего количества раненых и контуженых офицеров в сражении поименно нами установлено 1093 чел.

Таблица 2. Характер ранений, полученных офицерами за время всей службы (по состоянию на конец 1812 г.)

Характер ранений	Количество фактов ранений и контузий	
	Отечественной войны 1812 г.	Отечественная война 1812 г.

			в Бородинском сражении		без учета Бородинского сражения		за всю войну		за время всей службы	
Пулевые ранения	151	72,2	246	59,7	170	67,5	416	62,7	567	64,9
Контузии от стрелкового оружия	6	2,9	23	5,6	13	5,2	36	5,4	42	4,8
Всего ранений и контузий от стрелкового оружия	157	75,1	269	65,3	183	72,6	452	68,1	609	69,8
Всего ранений и контузии артиллерийскими боеприпасами	35	16,7	122	29,6	57	22,6	179	27,0	214	24,5
в том числе:										
контузии	16	7,7	70	17,0	38	15,1	108	16,3	124	14,2
ранения картечью	12	5,7	26	6,3	13	5,2	39	5,9	51	5,8
ранения осколками гранат	6	2,9	15	3,6	3	1,2	18	2,2	24	2,7
ранения ядрами	1	0,5	11	2,7	3	1,2	14	2,1	15	1,7
Всего ранений холодным оружием	17	8,1	22	5,3	11	4,4	33	5,0	50	5,7
в том числе:										
палашом	2	1,0	5	1,2	-	-	5	0,8	7	0,8
пикой	-	-	3	0,7	3	1,2	6	0,9	6	0,7
саблей	4	1,9	12	2,9	7	2,8	19	2,9	23	2,6
стрелой	1	0,5	-	-	-	0,0	-	-	1	0,1
штыком	10	4,8	1	0,2	2	0,8	3	0,5	13	1,5
Всего (с указанием характера ранений и контузий)	209	100,0	412	100,0	252	100,0	664	100,0	873	100,0
Количество ранений (данные об их характере в формулярах отсутствуют)	19	8,3	58	12,3	33	11,6	91	12,1	110	11,2
Всего ранений и контузий	228	100,0	470	100,0	285	100,0	755	100,0	983	100,0

Вопрос о численности и потерях сторон в Бородинском сражении на сегодняшний день в историографии является одним из спорных и окончательно неразрешенных. В данной статье мы не будем касаться проблем учета общей численности и потерь сторон в сражении, остановимся лишь на вопросе, связанном с потерями русского офицерского корпуса. Эта проблема также нуждается в своем разрешении, так как зачастую потерям русского офицерского корпуса в литературе при учете общих потерь, понесенных в Бородинской битве, не уделяется должного внимания, а порой приводятся просто неверные цифры. Так Н. А. Троицкий, ссылаясь на собранные Военно-ученым архивом Главного штаба «Списки убитыми, ранеными и награжденным воинским чином в войну 1812—1814 гг.», настаивает на том, что в этих списках поименно названы все убитые и раненые в Бородинском сражении русские генералы и офицеры (633 человека)^{xii}. Но, во-первых, эта цифра в два раза ниже той, что приведена в «...Ведомости убитых генералов и офицеров 1-й и 2-й армий в сражении при Бородино...», а также противоречит данным из опубликованной «Ведомости о потерях 1-й Западной армии в сражении при Бородине», по которой генералитет и офицерский состав только этой армии потерял убитыми и ранеными 847 человек^{xiii}. Во-вторых, опираясь на архивные и опубликованные материалы, нам поименно удалось выявить такое количество убитых и раненых в Бородинской битве русских офицеров, численность которых почти вдвое превосходит приведенную Троицким цифру.

Данные из формулярных списков дают возможность проанализировать не только количественные, но и качественные показатели, связанные с ранениями, полученными офицерами за все время службы.

В расчетах количественных данных о характере ранений мы опирались на сведения из 2074 офицерских формуляров о 983 фактах ранений и контузий 808 офицеров за все время их службы и 470 фактах ранений и контузий 440 офицеров в Бородинском сражении. За один факт ранения или контузии мы считали ранение

или контузию офицера в одном бою или сражении одним видом оружия или боеприпаса. Например, если офицер в одном бою получил два пулевых ранения, то мы считали их за один факт пулевого ранения; если в одном бою офицер получил одно пулевое ранение и два сабельных ранения, то в расчет брался один факт пулевого ранения и один факт ранения, полученного от сабли.

В 2074 формулярах у 47,4% офицеров имелись записи, по состоянию на конец 1812 г., о ранениях и контузиях, которые они получили за все время своей воинской службы, в том числе у 21,2 % офицеров имелись записи о ранениях и контузиях, полученных в Бородинском сражении. По данным из «Ведомости убитых генералов и офицеров 1-й и 2-й армий в сражении при Бородино» доля раненых и контуженных русских офицеров составляла 30,0 /о от их общего количества. Отсюда мы имеем разницу в 8,8% между нашими данными и данными из вышеуказанной «Ведомости». Эта разница объясняется главным образом тем обстоятельством, что формуляры на 440 раненых при Бородино офицеров, которыми мы воспользовались для исследования, составлялись после 1 января 1813 г., т. е. на офицеров, которые по выздоровлению от ранений и контузий, полученных в Бородинской битве, вернулись в строевые части действующей армии. По нашим расчетам 70,0% офицеров, получивших ранения и контузии в битве при Бородино, вернулись в строй.

Из госпиталей после излечения от ранений и болезней в лучшем случае (данные приводятся по госпиталям, руководимым с 14 сентября 1812 г. по 25 мая 1813 г. известным профессором медицины Х. И. Лодером) во время военных кампаний начала XIX в. возвращалось в строй 60% офицеров, остальные переводились в нестроевую службу, выписывались на инвалидное содержание, отправлялись в длительные домашние отпуска. Умирали в госпиталях не менее 7% (общие данные по офицерам и солдатам)^{xiv}.

По нашим данным, доля офицеров, возвратившихся в строй после ранений и контузий, полученных в Бородинском сражении, всего на 10% расходится с приведенными выше данными по госпиталям, находившимся под началом Х. И. Лодера. Эту разницу в десять процентов можно объяснить тем обстоятельством, что мы брали в расчет и легко раненых и контуженных офицеров, которые, как правило, не проходили лечения в госпиталях, оставаясь в строю, или проходили лечение при своей части. Таким образом, доли офицеров, возвратившихся в строй после ранений при Бородино и из госпиталей, вполне сопоставимы, что лишний раз доказывает репрезентативность массива офицерских формуляров из нашего исследования к генеральной совокупности офицерских формуляров участников Бородинского сражения, а также к генеральной совокупности офицерских формуляров всей полевой русской армии 1812 г.

И еще один аспект, связанный с количественными показателями ранений и контузий, отмеченных в офицерских формулярах. Из записей в исследованных нами формулярах следует, что основная часть офицеров за все время службы была ранена или контужена (имели факт ранения) не более одного раза — 39,0%, два раза — 7,2%, три раза — 1,2%, четыре раза — 0,05% от общего количества офицеров. В Бородинском сражении, по нашим расчетам, 13,0% офицеров получили несколько ранений и контузий. Среди этих офицеров были и такие, которые получили по 3, 4 и более ранений, главным образом от холодного оружия. Так, майор Сумского гусарского полка А. Я. Рашевский получил 5 сабельных ран и 7 ран от пика, но вскоре вернулся в строй и отличился в сражении при Красном. Штабс-капитан Московского драгунского полка К. И. Берг получил в сражении 7 ран палашом и одну контузию от ядра, а через год принял участие в сражении при Лейпциге.

Сведения о ранениях офицеров в формуляр записывались, как правило, очень подробно: в каком сражении, в какую часть тела и каким видом оружия был ранен тот или иной офицер. Следовательно, мы располагаем не только количественными данными о ранениях, но и данными о характере ранений.

Теперь рассмотрим полученную нами из формулярных списков информацию о характере ранений и контузий офицеров. В первую очередь хотелось бы

обратить внимание на то обстоятельство, что на долю огнестрельных ранений, полученных офицерами за все время службы, включая и контузии, приходилось 94,3% от общего количества ранений и контузий, а на ранения холодным оружием всего 5,7 /о (см. табл. 2). Следовательно, в многочисленных войнах конца XVIII — начала XIX в., в которых принимала участие Россия, ведущая роль принадлежала огнестрельному оружию, а холодное играло лишь вспомогательную роль.

Данные о ранениях офицеров различными видами боеприпасов выявляют определенные закономерности. Среди огнестрельных ранений доля пулевых ранений, полученных за все время службы, у офицеров всех родов войск существенно преобладала над ранениями от артиллерийских боеприпасов, и Бородинское сражение не стало здесь исключением. Так, доля пулевых ранений и контузий, полученных офицерами в различных войнах до 1812 г., в 4,5 раза, в Отечественную войну 1812 г., если не брать в расчет Бородинское сражение, в 3,2 раза, а в Бородинском сражении в 2,2 раза превосходила долю ранений и контузий, полученных от артиллерийских боеприпасов.

Обращает на себя внимание относительно низкая доля ранений и контузий от артиллерийских боеприпасов, полученная офицерами в различных войнах до Отечественной войны 1812 г., — 16,7%, за всю Отечественную войну 1812 г. — 27,0%, даже в Бородинском сражении она составила только 29,6% от всех ранений и контузий. С другой стороны, массовое применение огнестрельного оружия, главным образом пехотных ружей, делали рукопашные схватки с применением холодного оружия редкими, о чем говорит низкий удельный вес ранений, полученных офицерами от холодного оружия. Отсюда можно сделать вывод о том, что основные потери в сражениях Отечественной войны 1812 г. и в войнах начала XIX в. русский офицерский корпус нес от стрелкового оружия. Этот вывод можно распространить и на солдатские потери. Правда, здесь возможны возражения, что, мол, от артиллерийских боеприпасов смертность в бою была намного выше, нежели от стрелкового оружия. Однако, факты говорят о другом. Мы знаем, что среди русских офицеров соотношение убитых к раненым в Бородинском сражении было примерно 1:6. С помощью несложных расчетов можно узнать, что на 440 раненых офицеров, данные на которых мы использовали в нашем исследовании, приходилось 73 убитых офицера. Если даже предположить, что 80% этих офицеров были убиты артиллерийскими снарядами, то в этом случае доля убитых, раненых и контуженных от стрелкового оружия будет находиться в промежутке между 50—60%, а доля убитых, раненых и контуженных артиллерийскими снарядами в промежутке между 30—40%.

И последнее. Самоотверженность, доблесть и профессионализм русского офицерского корпуса были высоко оценены командованием и государем. По нашим данным, за Бородинское сражение была награждена половина — 52,0% офицеров регулярных войск (каждый второй), принявших участие в сражении.

В заключение хочется отметить, что информация, содержащаяся в справочно-информационной системе «Участники Бородинского сражения», имеет как мемориальное, так и научное значение. Потенциально эта система может вобрать в себя разнообразную информацию обо всех участниках Бородинского сражения, о которых осталось хотя бы одно упоминание в архивных материалах или в каких-либо источниках. Так, используя только опубликованные материалы и материалы одного исторического архива РГВИА нам удалось поместить в СИС информацию на всех генералов и практически на всех офицеров — участников Бородинского сражения. Потенциально имеется возможность поместить в СИС информацию на 3/4 унтер-офицеров, а также на значительную часть рядовых солдат русской армии, принявших участие в Бородинском сражении (как минимум — фамилии).

Иначе говоря, в научном плане СИС «Участники Бородинского сражения» предоставляет исследователю уникальный фактический материал по истории русской армии эпохи Отечественной войны 1812 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ⁱ См.: *Целорунго Д. Г.* Русские офицеры, награжденные за участие в Бородинском сражении: опыт статистического исследования // *Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: Материалы науч. конф. 1995—1996 гг. Бородино, 1997.*
- ⁱⁱ См.: РГВИА. Ф. 29, оп. 153 г., Св. 10, д. 2 и д. 3; Там же. Св. 20, д. 13; Там же. Св. 23, д. 24 и д. 31; Там же. Ф. 2580, оп. 1, д. 779; Там же. Ф. 14664, оп. 1, д. 199.
- ⁱⁱⁱ См.: РГВИА. Ф. 29, оп. 153 г., Св. 10, д. 2. и д. 3; Там же. Св. 20, д. 13; Там же. Св. 23, д. 24 и д. 31; Там же. Ф. 2580, оп. 1, д. 779; Там же. Ф. 14664, оп. 1, д. 199; Там же. Ф. 103, оп. 208А, д. 4, ч. 2, Св. О, л. 3; *Васильев А. А., Елисеев А. А.* Русские соединенные армии при Бородине. 24—26 августа 1812 г. Состав и численность. М., 1997; *Храм Христа Спасителя в Москве. Нью-Йорк, 1986.*
- ^{iv} *Эрнест Р. и Дююи Тревор Н.* Всемирная история войн. Кн. III. СПб.; М., 1998. С. 113.
- ^v *Воронов П., Бутковский В.* История лейб-гвардии Павловского полка. СПб., 1875, с. 15.
- ^{vi} Соколов О. В. Капитан Н. // *Родина. 1992. № 6. С. 14.*
- ^{vii} *Крестовский В. В.* История 14-го уланского Ямбургского Ея Императорского Высочества Великой княжны Марии Александровны полка. СПб., 1874. С. 103.
- ^{viii} Сен-При Э. Ф. Бумаги графа Сен-При // 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников Вып. I / Сост. В. Харкевич. Вильно, 1900. С. 168.
- ^{ix} *Петров М. М.* Рассказы служившего в 1-м егерском полку полковника Михаила Петрова о военной службе и жизни своей и трех родных братьев его, зачавшейся с 1789 года. 1845 г. // 1812 г.: Воспоминания воинов русской армии. М., 1991. С. 212.
- ^x Бородино. Документы, письма, воспоминания. М., 1962. С. 200—201.
- ^{xi} РГВИА. Ф. 103, оп. 3/209а, д. 64, л. 14 «Ведомости потерь людьми и вещами некоторых воинских частей при Бородине, Смоленске, Малом-Ярославце и Красном. Ведомости убитых генералов и офицеров 1-й и 2-й армии в сражении при Бородине...»
- ^{xii} *Троицкий Н. А.* 1812. Великий год России. М., 1988. С. 176.
- ^{xiii} Бородино. Документы, письма, воспоминания. С. 201.
- ^{xiv} Страшун Я. Д. Русский врач на войне. М., 1947. С. 106, 68.